

Глава третья

О религиозной автономии.

3^I

Глава третья

О религиозной автономии

1.

как показано выше,

~~Этот как раз тот случай, когда~~ ^{Решения} ^{вырастают из субъективной} ^{личной духовности человека, а это означает, что} ^{все основные законы духа и человеческой} ^{духовности должны выдвигать наш религиозный опыт.} И прежде всего в нем должны обнаружиться и оправдаться законы духовной автономии.

Автономия, буквально "самозаконие", есть подлинная, основная форма духа, — исходно-присущий ему способ бытия и деятельности. Быть духом — значит определять себя и управлять собой, и притом в направлении к лучшему, к совершенству.^{*} Дух есть сила, направляющая свою жизнь к благим целям. Ему присуще выдвигать свои жизненные содержания и принимать решения о своих жизненных формах; утверждать свое достоинство, обуздывать свои порывы и в то же время устанавливать и соблюдать свои пределы. Духовное существо само сдерживает и знает, что такое добро и зло,

* См. также вверху

значения.

Поскольку дух человека живет пониманием и мыслью, постольку человек призван сам понимать и жить свои собственными мыслями, векростью и удовольствием. Человека, неспособного к этому еще Аристотель определял как "раба от природы"; и было право. Преподавать не значит обременять память ~~этой~~ ^{этой} догмой и не значит навязывать человеку чужие "обязательные" для него мысли. Ученая зрелость есть способность духа к самостоятельному наблюдению и к самостоятельному исследованию. Нельзя понять "за другого"; нельзя испытывать "вместо него" так, чтобы ~~испытание~~ ^{исс} исследование стало только самими его собственными. Понимать чужие мысли и векрости есть дело проповедническое, миссионерское и медийное. Несамостоятельная, нетворческая мысль — есть мертвая наука; ее ничто не постигается и для науки она мёртва. Активные же мысли ^{выражают} ~~самостоятельную~~ ^{свою} духовную зрелость.

Религия
I

Поскольку дух человека живет чувством и любовью, постольку приходится в движение самую широкую и интимную сторону его духовного существа. Нельзя понимать "за другого" ~~как за другого~~; нельзя дать вместо другого братнюю клятву; и брак заключенный по чужому приказанию,

без личной любви и воли — противодуховный и противоположный. Любви, этот "логичный" огонь души и духа, загорается и гаснет по законам самобытности и самостоятельности. И ~~тогда~~^{потом}, когда кто-то раз в жизни попробовал пробудить и растопить эту сердечную душу, ~~не надо это делать~~^{знаешь этот закон} ~~иначе~~^{любви}. Так приятно легко понимается природа, даже и тогда, когда она принадлежит к различным царствам и государствам, — но у них сходное чувство к однородным предметам; но заложено и обвирывающее сердце интернационалиста не знает духа и духовной автоматизации, оно не знает ни любви, ни равновесия, и потому потому оно не знает и автоматизированную любовь природы.

Этот закон духовной автоматизации ~~подтверждается~~^{подтверждается} и на творческом воображении человека. Если фантазия человека составляет априорный подвиг ~~в~~^{уже и} повседневной жизни, где она ~~тогда~~^{подмечает} часто оказывается беспредметной или мало предметной; ~~то~~^и майма творческого воображения у художника осуществляется и постигается только как лично-автоматизм; художник может уйти в сферу духовных Предметов только свободно любя и созерцая, сосредоточивая свои лучшие силы, свое вдохновение на свободно воспринимать и вымышленные эстетические содержания; и правы те, которые

Всего

См. Худ.

Замеч
Одесса

2.

Эта самостоятельность и свобода подпадает и нерелигиозному ~~виду~~
~~и~~ и религиозному толковку.

Момъ, кто ^{предполагает} и избираетъ, момъ присутствуетъ кестъскенно въ своемъ избраніи и предположеніи; избиратель не самостоятеленъ и не свободенъ, не избираетъ, а за него и вмѣсто него избираетъ момъ, кто подавляетъ его самостоятельность и упрощаетъ его свободу.

Монъ, кто признаетъ и исповѣдуетъ, монъ живетъ въ своемъ призна-
нн и теритъ въ своемъ исповѣданн; кто же живетъ и не теритъ сво-
бодно въ своемъ духовномъ актѣ, монъ его и не совершаетъ вовсе.

Автономия состоит в самостоятельной ~~жизни~~ жизни духа. Она проявляется в нестяскающей, добровольной, ^{не}обязательности личной души, во ее отношении к духовным предметам и Целому. Она составляет необходимый способ бытия духа. Дух или ~~автономно~~ живет

автоматом, или не вступает в жизнь и остается в потенциальном состоянии. Поэтому зрелость души характеризуется обилием, широтой и целостностью ее автоматного самопредъявления.

Автоматия духа противопоставляется его гетерономии или „гетерономии“. Гетерономия — это ~~при этом~~ ^{сильная покорность} вид ~~личности~~ человека в его духовных соотношениях и действиях, не ~~то~~ Богу, а ~~то~~ другому человеку или ~~то~~ совокупности других людей. Противопоставляют автоматия человеческого духа — тео-манию (т.е. Бого-законность его) можно только поговорить „злым языком“. Человеку подобает духовная само-основанность в его отношении к высшим само-связностям жизни и мира, к тем „солнцам“ бытия, которые сияют вверху как бы едкое Сакральное, с „этими“ верховными светом. Каждому человеку присуще (сознательно или бес-сознательно) тяготение к тому, чтобы найти некое безусловное и высшее жизненное содержание и приобщиться к нему, как к „главному источнику, смыслу и свету жизни. Ибо, если человек может

См.
Путь души
отм. 21.1

1) Тому посвящена глава ~~шестая~~ шестая

пойти по недуховным и даже по противодуховным путям, впасть
в зашоренность и осуществить вырождение ~~туда~~^{туда}. Но самая потребность
во таком Предмете обнаруживается во человеческой потребности духовности
и нравственной религиозности. Задача мудрого воспитателя состоит именно
во том, чтобы уловить в ребенке эту потребность, это влечение, эту
потенцию духа, развить ее, укрепить и придать ей силу самостоятельную.
Эта потребность (потенция духовности) присуща каждому человеку,
она инстинктивна человеческому существу: каждый человек есть уже
дух, но еще не ~~актуально~~ актуально и не вполне; он не может пре-
стать бытием духом, хотя может не сознавать своей духовности, не цю-
нить ее, не дорожить ею, не культивировать ее; но потенция духовности,
приванте к ней ^(н) влечение к ней остаются в каждом из нас. Вопреки
всему зашоренностям, искажениям и всякому отнесению души — ~~туда~~
~~туда же~~, личная духовная сила ^(или) лицетельно бесконечно ^(лишь своим путем) светла, мой
окончательной достоверности и силы, которая касается только этого, ~~то~~ единственного
~~личного~~ Солнца бытия. Выразая это во образах мудрого Зеркальца, мо-
жно было бы сказать: есть единый ~~огонь~~ Великий Огонь во небесах и

есть во человеке (то полухарактер, то разгорающийся огонь, в глубине ин-
 кой души; и помысл этого ^{субъективного} ~~факта~~ тянется к великому источнику объектив-
 ного света и жизни.

Гераклит

Но именно таково — религиозное состояние души.

Религиозность есть состояние не „душевное“, а „душевно-духовное“. ^В ~~Религиозность~~ ^{она}
 присуща только тому, кто живет измерением объективного совершенства, ~~как~~
 измерять или предмет и вещи, себя и свои действия. Не всякий ~~же~~ человек,
 произносящий слова „лучше“ и „хуже“, живет на уровне религиозности, но
 только тот, кто ^{„знает“} ~~„знает“~~ объективно-лучшее и объективно-хуже, и признает —
 не в смысле „выгоды“, „качества“, ~~как~~ эмпирической ~~„ценности“~~ ^{или} по-
 литической „целесообразности“, а в смысле духовно-качественного измерения
совершенства; только тот, кто понимает объективное преимущество обек-
 тивно-лучшего и придает этому преимуществу — субъективное значение и
откликание. Никакая чисто-личная или условная ценность, сколь бы „любезной“
 и „интимной“ она ни казалась человеку, — этого уровня не составляет. Рели-
 гиозность и аутизм ~~отличаются~~ ^{отличаются} за пределами этого духовного уровня, а ^{сроднительно и} ~~рели-~~
 гии. Их — чуждая „религиозность“ может создать „мируку эмпирически-ка-

строений, любезный сердцу уют, интимную теплоту быта, но в сферу духовной жизни она не вступит. Словно становится религиозным лишь в игру своего одухотворения; не одухотворяемая душа имеет лишь только видимые поводы религиозности: она ~~будет~~ ^{будет} ~~преважаться~~ ^{преважаться} "страхась" ^{"как"} ~~и~~ ^{"успешности"}, она будет ^{предчувствовать} и писать суеты, она будет ^{во власти} ~~преважаться~~ "мечтательной", "вымышленной" и может быть даже "экстазом"; она имеет вырабатывать свои даже личные или коллективные "обряды". Но все это будет лишь видимыми поводами ("суррогатами") настоящей религии. И, к счастью, ^{она стоит сама так называемые} ~~лишь~~ "религиозные" и "церковные" ^{книжные} ~~моды~~ ^{разные} этой ~~картинки~~ ^{картинки} условной "мистики" и "матин" не идут.

Господ!
Киевля

Суще-религиозный человек имеет духовное совершенство; и в искажении этого — рождается автоматизм и ~~этикет~~ ^{этикет} ~~преобладает~~ ^{преобладает} в ней.

3.

Если духовная автоматизация подбавляет человеку и за пределами религии, то ~~она~~ ^{в пределах} религиозного опыта она получает особое значение.

"Гетероматизм" в религии состоит в отказе от самонадеянности

III

принятій (или признаній) ного оснований, в силу которого вступается вступается и не вступает; и следовательно — в переосмыслении этого главного и решающего момента религиозного опыта на другого человека (или на других людей), в предоставлении ему (или им) высшего закона, за коим идет меня решить, во что именно я верую и во что я не верую.

Этот вопрос об основании веры (предполагающий вопрос о содержании ~~веры~~^{ее}, ибо если основание — в восточной вере, то и "содержание" ~~веры~~^{ее} приводит от них) — не совпадает с вопросом о причинах верования. Причина моего верования (определяемая личной психикой) всегда во мне, во моих состояниях и склонностях (во моих умственных предрасположениях, в традициях детского возраста и т.д.), ибо чувства "визуаль" непременно даны "внутри" во мне, предшествуют во мне, вызывают мои душевные переживания. Но этот вопрос не о причинах (causa), а об основании (fundamentum); не о психологическом происхождении моего верования (генезис), а об усмотрении его истинности, о выборе, о критерии, о признаках ~~истинности~~^{признаках} верующих содержаний.

Итак гетерономный опыт отказывается от личного решения, усмотрения, удостоверения, избрания и признания; он не впадает, в силу чего он во

и не вернуть, а вернуть

Содержание вступило и принятие его

[illegible]

Это означает, что он ^{верит} ~~верует~~ в то, относительно чего он сам не знает, следует ли в это верить или нет, и если следует то в силу чего, а если не следует, то на каком основании. ^{творческие корни} ~~Вера~~ (его собственной веры) ему не даны; они взяты из его личного опыта. Можно было бы сказать: веру он как будто бы имеет, ибо душевно держится за веруемое; но ^{этически} ~~основ-~~ания своей веры он не имеет; иль "владеет" верой кого и за него другой. При этом может быть так, что вера его сама по себе — основательна, и что веруемое иль содержание — истинно; но для него самого — его вера — проблематична и, строго говоря, неосновательна. Он верит, сам не зная ^{ни} в силу чего он верит, ни верна ли его вера.

Именно поэтому то, что они вносят, оказывается для него самого, в его

III А третьи "другие" смогут дать ему новую, обратную, быть может богопротивную веру; это.

собственным самоубийством — проблематическим: оно не обосновано в его собствен-
ных мыслях, не защищено, не обеспечено от чужих критических и скептических
ударов; ~~он~~ поэтому он боится касаться ^(вторично), бесновать о нем; он боит-
ся, что чужие мысли могут его поколебать и подорвать во имя веры. И
в этом — он прав: если одни "другие" могли дать ему веру, то другие
"другие" смогут отнять ее у него, ^{хуже} ~~он~~ сам не удовлетворен в своем вве-
дении, а потому оно не прочно в нем и он не может утверждать себя
до конца веры в себя (вторичному содержанию). Он боится за него. И он
прав в этом. Он верит — и не верит, ибо вера его не живет в его ду-
ховном духе корня своей правды. Сам беснующий в ~~свое~~ удовлетворении и в
спроумлении своей веры, он зависит от других: он любит ~~благую~~
пустыню, который сам нигде не родит, а живет чужого поства, — быть мо-
жет злого и злодеем. Если же основание веры удовлетворяет погов, то вера
его окажется бесполезной. Она может шататься ему невозможно: не умея
сомневаться ~~предметно~~ предметно, творчески, удовлетворительно, он
способен только к разлагающему, безпредметному, разрушающему сомнению,
и потому ^{он} находится в зависимости от первого верного скептика, возмущенно

то «
Случилось
Ныне с
Человеком
Вам»

Сл.
Заву о
Семит
ми

остроумная и агрессивная! А укротить пожелавшихся втору она не в состоя-
нии, ибо для этого необходимо автономное содержание.

1) сфв. Куш-
кина
Жилин

Такой человек не владеет ни своей второй, ибо ею распоряжаются определенные
"другие", ни своими невротами, ибо надъ ними властью неспретивимые "требования".
И если она это чувствует, хотя бы случайно, и мирится с этим, то она на-
чинает невротить в свою втору и опасается за нее. Макимъ обратилъ его
втора, — катарсисъ бы самый простое и окончательное во жизни человека, — явля-
ется миссией и миссионерскимъ элементомъ во его жизни. Она сама чув-
ствуетъ потребность постоянно и опасно оберегать ее; какъ уже сказано —
в ней нельзя говорить ей "лучше не касайся", она это все знаетъ и
кошется. И именно для того, чтобы она ее не касалась, ему запрещается ^{антис}именно священное Писание.

"Религиозная втора" такого рода перестаетъ быть "фундаментальнымъ инстинктомъ", она сама предуетъ искусственной психикой, какого то "телесного
и непротестивающего душевного партика"; она удовлетворяется таклану, экто-
мическому растению. Она ведетъ свое существование во пракъ бессамосто-
яно, во подвалъ души, во который сама вторуция никогда не заглядываетъ
она страха за нее. Она держится на внутренней стороне; на сильной

духовно. Там, где дух не способен к самостоятельности и самоосмысленности — он сокращает свой огонь и гаснет: "втора" превращается в состояние душевной приверженности к чужим содержаниям и перестает быть Второю. Человек, не утверждающий сам своей религиозной вере — не утверждает глубочайший корень своей лично-духовной жизни. Состояние слепой зависимости от других и безвольного подчинения им, и при этом в сфере восточнейшей и драконовейшей, превращает в нем чувство собственного духовного достоинства и расширяет в нем впечатление к самому себе. Это придает его религиозности терпение, умение и самоуничижение и возвращает в нем незаметно самочувствие раба, и при этом не "раба Божия", а раба человеческого. Неумение к себе, как к завданно неспособному к религиозной самостоятельности и самостоятельности, т.е. воздержанию себя, как "раба от природы" (Аристотель) отливается отрицательно и на этической ~~стороне~~ и на интеллектуальной стороне его жизни. На этики осужденный быть в религии несовершеннейшим и призванным, он сам не замечает того отталкивания презрения, которым летит на всю его жизнь; и если отъезжает от этого отталкивания, то все

срв.
"Душевные
Схемы"

повиновения, само-уважения обнаруживаются в его личном укладе. Он "вторгнется" по приказу и "не вторгнется" по запрету. Имми он искажен и извращает самую природу Второго, — его свободу, его духовность, его целостность, его силу. Решизм не терпит уничтожения духа, идущего от других людей. Решизм не терпит слепого предания, навязанного свыше. Решизм не может и не должен вынуждать человека рабской покорности в вопросах духа и Второго. Этот путь ведет не к воспитанию, а к повреждению человеческой души. Это не путь решимости, а путь слепоты, застраивания, бескрайности покорности. Он ведет не к Второму, а к суррогату.

Вопрос
рефор-
матора
идеи
прав

Настоящая Втора есть источник живой, духовной силы для человека. Но гетерономное вторжение утрачивает это свойство. ^{Такой решим} ~~Оно представляет~~ вынуждает человека, что он слаб и немощен — и переносит эту силу в другого или в других. Отказ от автономии, согласие раз навсегда ^{какого} Второго, изреченных слов и сгущенных слов, есть уже проявление слабости. И вот духовная слабость, ставшая "законной" формой жизни. Гетерономно вторгающийся живет не сам и не из себя; он подобен паразитарному растению, ~~иде~~

къ Богу приближающее, какъ состояніе не земли устрояющее, а небесное въ земномъ создающее. Очень возможно, что для земной жизни, въ обузданіе теловѣческой животности и въ борьбу съ теловѣческой порочностью — важнѣйшая повинность въ религии полезныя свободнаго созерцанія; но это ничего не мѣняетъ по существу. Дурного теловѣка ~~нельзя~~ полезно бываетъ стра-
шать; значитъ ли это, что надо строить религію на страхѣ? Бываетъ полезно ~~наказывать~~ отвѣчать на теловѣческій прохвѣлъ и разнузданіе — запретами и подавленіемъ; значитъ ли это, что религію надо создавать на запрещеніи и подавленіи? Еще Платонъ указывалъ на педагогическую полезность „про-
третники“ (повсурительнаго общаго нрава); означаетъ ли это, что благочестивому теловѣку ~~необходимо~~^{сроченъ} отбывать рай съ гурами?

Платонъ

Коранъ

Теловѣку не легко быть духомъ и расти въ себѣ истинную (т.е. ~~инстинктивную~~
— автономную) духовность. Можно ли отсюда пойти выводъ, что тело-
вѣка надо исбавить отъ этого труднаго дѣла и обресть ^{религіозность} его на гетероном-
ное ~~вмѣзданіе~~ массовое внушеніе, закрѣпленное страхомъ и
каждымъ? ~~Земь~~ Автономная религіозность труднѣе, но и выше, и моу-
щественнѣе, и окрѣпленнѣе, чѣмъ гетерономная; ее труднѣе создать, вра-

спит и укрывает. Но ссылка на трудность внешнего задания — не дает
 права погасить его, или ~~ссылаться~~ или ~~запретить~~ его иными, более легкими
 и свиду "полезными" заданиями. Из того, что человеку во рамках дозволенного трудно
 дается самостоятельное хождение, нельзя сделать вывод, что онъ собственъ
 неспособенъ къ ~~какому~~ такому хождению, и ^{что надо} запретить ему его навсегда. Учение
 живописи наталкиваетъ съ рисовываньемъ; позволительно ли на этомъ основа-
 нии запретить человеку самостоятельное содерзаніе и композицію? Это же
 ухаживать за стихами великихъ поэтовъ; не объявить ли это единственною
 дозволенною формою поэзии и ^{не} подавить ^{или} разъ навсегда ^{самостоятельное} поэтическое содерзаніе
 и творчество? И такъ во всемъ.

Спасение отъ такого толкованія и отъ такой практики состоитъ в
 томъ, что гетерономія въ рамкахъ объективно говоря не осуществима: ибо
 автономія, какъ ~~эта~~ право духа и потребность духа, неугасима и нести-
 мима.

Человекъ можетъ выработать въ себѣ робкое и покорное самоувѣреніе
 само-вторгающаго; онъ можетъ даже удовлетворять въ облагораживающей религиозной
 гетерономіи. Но это самоувѣреніе и эта удовлетворенность не выражаютъ объективной

природы его духа. Правда его духа будет подавлена и какъ бы „сосланы“ но
 во силу своей духовной природы онъ сохранитъ свою автономность, т.е. свою
способность, свое привлечение и свое право на самосопределяние. Эта способность,
 отвергнутая и не укрѣпленная, не утратитъ никогда отъ простого использования
 ею, что и обнаружилось ~~въ действительности~~ в эпоху реформаций: закрыть себя на-
 за и вообразить себя сильнымъ подъ влияниемъ внешнего — не значитъ ослабнуть;
 использовать свои права — не значитъ потратить его; свести свою духовную
 жизнь къ подавленному минимуму — не значитъ перестать быть духомъ.

Заметка
 Майнор

~~Важно~~ Достаточно гетеронормно структурирующему взглянуть по автономии, поуб-
 ствовать свое право, утвердить его и мужественно приступить къ обновлению эка-
 зии — и гетеронормный миръ самъ собой опадетъ. Это, конечно, не означаетъ, что
 ново-освободившийся субъектъ утвердитъ себя на надлежащей высоте, какъ по
 форме вѣры, такъ и по ее содержанию, — ибо духъ мучается въ дисциплине,
 въ улыбке и въ слезе, а гетеронормный строй все это подавляетъ и расшатыва-
етъ; поэтому переходъ ^{изъ} ~~гетеронормии~~ гетеронормии можетъ создать зыбкое ~~положение~~
~~неустойчивое~~ бездомное, противоположно-фрагментирующее, размозженное, свободно-
большой автономии... И только не менее каждый структурирующий элементъ неподвижности,

с. у. л. и. и. и.
 в. и. и. и. и. и.
 и. и. и. и. и. и.
 и. и. и. и. и. и.
 реформация.

естественное право и сбыченное признание утвердить свою религиозность на абно-
номии. Осуществление может ^{сбытиться} ~~не удастся~~ удасться; оно может повести кь ошиб-
камь, кь несчастиямь и разложению; возметъ даже востраніе кь гетерономіи
— претмэй или новосозданной. Но объективно говоря — духъ всегда сохраняетъ за
собою естественное право и естественную способность познать свою религиозную гет-
ерономию.

5.

Можетъ даже возникнуть вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли признавать
гетерономное вторичіе — религиозный состояніе челоѣка, или нѣтъ? Кбо
какъ бы велика и чистота кь была приверженность челоѣка кь известнымъ содержаніямъ,
догматамъ, правиламъ и обрядамъ, но объективно, что эта приверженность
питается не лично-свободнымъ пріятіемъ, а сиюю чуждою изъясненіемъ, чуждою
вынужденіемъ, чуждой угрозой, — лишаетъ эту приверженность духовнаго смысла и
превращаетъ ее въ душевное пристрастіе, въ нѣкій „суррогатъ“ религиозности.
Кь сожалѣнію, ~~нѣтъ~~ ^{мало} настолько пріугубили себя и другіе именно кь такому,
гетерономному пониманію религии, что во мірѣ весьма распространено возрѣ-
ніе, согласно которому ^{истинная} религиозность строится на человѣческомъ авторитетѣ,

на отказъ отъ самостоятельности, на покорности и духовной слепотѣ; автоматическая же религіозность ведетъ къ „прощалу“, къ „ереси“ и къ „погибели“.

А между тѣмъ достаточно правильно поставитъ вопросъ, для того, чтобы отвѣтъ явился въ порядкѣ самоочевидности. Кто есть мойъ человекъ, кто можетъ заинтересовать меня въ отношеніи моего „прощала“, „вторую“, „исповѣданію“? Убо „вторую“ есть тѣмъ самымъ мое „вторую“, такъ, что онъ малѣйшости его второванія — мое второваніе загоралось бы безъ моего, самостоятельна пріятія? Но если мое второваніе несущественно безъ моего свободнаго участія въ немъ, безъ моего добраго согласія на него, безъ моего самостоятельна присутствія въ немъ, то порядокъ автоматическаго пріятія. Въ послѣднемъ случаѣ, въ людскихъ вещахъ, въ корнѣ религіозности — человекъ всегда остается самъ „дѣлатель“, „виновникомъ“ ^(аукторъ) и „носителемъ“ своей вѣры и чуждымъ другому человеку, который обладаетъ бы въ религіи правомъ и способностью заинтересоваться или обойти второпріятіе самого вторящаго. И напрасно было бы выдвигать противъ этого указаніе на Божію Благодать, посредниче даровать вторящему — втору. Ибо гетерономія идетъ не отъ Бога, а отъ ^{человѣка} ~~человѣка~~; и автоматическая вѣра по Благодати будетъ всегда автоматической, даже и тогда, когда Благодать была неископаема и неиспороченно, а черезъ труды, подвиги и усердія другихъ людей.

Но, что Благодать дарует, есть свободное обращение человеческого духа к Богу. Богу нужна человечески-невосприимчивая и невынужденная любовь личного духа и сердца: не свободная любовь, свободные сочувствие, свободная радость, свободные ~~уверования~~ смирение, свободное повиновение, свободное движение — все то, перед чем даже гетеромания, бесстыдство и что она теряет в изобилии.

Возможно ли уверовать по предписанию? Возможно ли перестать второвать по указу псаломщика? Здесь спросит — значит ответить: нет, невозможно. Можно ~~так~~ поддаться человеку страхам, гонимым, лишениям, — скрывать свою волю и умалчивать о своем неведении. Можно вразумить чужое покаяние в этой традиции вторости и ~~так~~ быть ~~жестоким~~ церковно-клубничным религиозным слепцом. Можно преследовать, мучить и удалять за окаменение вторости. Но скрывающий свою волю не перестает быть второстепенным. Лишенный церковной культуры, не лишается тем самым своих истинных источников Благодати, откровения и богомыслия, и внутренних, и внешних. Не отказывающий своей вторости — не отрекается от нее и не угадывает ее. Можно примкнуть к окаменелости, к извращению, к совершенной впаде; но не примкнуть к окаменелости, не исполнению религиозных преданий; а окаменение, не исполненные автономия вторости, — есть путь,

покаяние
не им
растеряно

во всяком случае личностная, а может быть даже и коэкусментальная видимость религии.

Религиозность начинается с личного, свободного и сердечно-искреннего "принимания", с самостоятельного удостоверения, от которого начинается подлинная самостоятельность человека вообще. Но утверждающее одного — может не утвердить другого; удостоверяющее другое — может не удостоверить третьего. Не удостоверявший себя — не утвердит. Не переживший этого лично-свободного и сердечно-искреннего "принимания" ("визу", "губовую", "прикасаю...") — не имеет религиозной веры, ~~как~~^{екак} бы ~~ни~~ велика ни была его приверженность, даже во думной одержимости. Каждый человек имеет естественное право веровать в добродетельно-приличие и не веровать в свободно-отвернутое; ^{или наоборот} ~~или наоборот~~ право не верить, можно налько послать на это.

Как игра, так и вера — духовно невынужденны. Могущий таинственным образом обратиться к каждому человеку ~~духовно~~ дарована и во духе гарантирована ~~как таковая~~ "свобода совести"; она обеспечена ему самыми способами бытия, присущими человеку, укрупностью его души, его содержания, его воли, его веры за его индивидуальными тѣлом. Правда, это индивидуальное тѣло есть

III

не только "запирательная стена", но и "выпускающая дверь"; и не всякому йог-
 у по силе выдерживать физические лишения и муки, оставляя эту "дверь"
 и настаивая на "непререкаемости" своей души. Однако это возможно и для
 стойких мучеников за веру доказали это на деле много раз: умиранием боли,
 сдерживанием, любовью и верой, чуждостью и мученичеством — они превращали свою
 душу в храмничество духовной свободы и предоставляли своим наказаниям
 и убийствам вторгаться в жизнь своего тела, оставляли ^и энергией души
 и духа на пороге своей веры и утверждали тем самым ее свободу.

Stanger
и Varsi
(буаце)

Итак религиозный опыт и религиозное ворование свободы по самому
 существу своему: они предусматривают свободу, имеют право на нее, предполагают
 ее малость и отстаивают ее, когда надо, даже до смерти. Поэтому борьба
 за "свободу совести" велась в истории человечества есть явление естествен-
 ное, необходимое и ~~тра~~ духовно-вечное. Она должна вестись во имя прямого
 осуществления свободной веры, с превозмущением этой свободы и с
 доказательствами ее правды и неувязности. Она должна вестись не только
 как борьба за свободу ~~веры~~ ^{веры}, но и как борьба за свободу ~~ее~~ ^{ее} проявления,
 исповедания и церковного окормления. И каждому исповеданию, которое

Есть же)

Подлинный законъ духа, въ силу котораго подлинное религиозное вѣрованіе предполагаетъ въ человѣкѣ лично пережитую, свободную „очевидность сердца“. Предписанная или навязанная вѣра есть мнимая вѣра, ибо религиозный опытъ человѣка основывается на свободномъ созерцаніи и признаніи. Нельзя заставить человѣка — невѣрить, но нельзя его принудить и къ вѣрѣ...

Свобода „признанія“ предполагаетъ и свободу „отверженія“. Кто имѣетъ право сказать „да, вижу, вѣрую!“, тотъ имѣетъ и право сказать „нѣтъ, не вижу, неприемлю“. При этомъ — „отвергнуть“ совсѣмъ не значитъ возстать, ополчиться, начать религиозное гоненіе и преслѣдованіе; это есть лишь право не примкнуть къ данному вѣрованію, не признать его за истинное и не ввести его въ свою личную жизнь, какъ основу бытія и дѣланія. Это право нельзя не признать за человѣкомъ. Стоитъ только сообразить, что религиозныхъ вѣрованій — безчисленное множество, и что большинство исповѣданій ведутъ „пропаганду“: отнимите у человѣка право на религиозное „Нѣтъ“ и вы заставите его сказать всѣмъ исповѣданіямъ „Да“; а это нелѣпо и невозможно.

Итакъ право „отверженія“ бесспорно; но оно совсѣмъ не есть право на гоненіе. Религиозная свобода не есть свобода одного человѣка или одного исповѣданія; она освобождаетъ всѣхъ людей и всѣ исповѣданія. Она отрицаетъ вообще право человѣка вынуждать у другихъ — какъ вѣру, такъ и невѣріе. Никто не имѣетъ права заставлять другихъ вѣровать во что нибудь; но именно въ силу этого никто не имѣетъ права заставлять другихъ невѣрить во что либо опредѣленное, или же не вѣрить ни во что. Религиозная „автономія“ есть свобода вѣры, а не свобода принужденія. Она есть свобода „избранія вѣры“ для себя и за себя, а не для другихъ и не за другихъ. И тотъ, кто въ борьбѣ съ воинствующей и гонящей церковью настаиваетъ на своемъ священномъ правѣ вѣрить иначе, или не вѣрить совсѣмъ, — не имѣетъ никакихъ основаній, достигнувъ власти, начать воинствующее гоненіе на тѣхъ, кто вѣруетъ вообще, или вѣруетъ иначе. А именно это и случилось въ исторіи человечества за послѣдніе вѣка... Люди добились права на безбожіе и истолковали его, какъ право гоненія на вѣрующихъ...

Это фатальное, окаянное заблужденіе необходимо продумать разъ навсегда и до конца.

Да, право на вѣру предполагаетъ и право на невѣріе. Свобода видѣнія — есть свобода увидѣть и не-увидѣть; а увидѣвъ, — принять и не-принять; а принявъ, — исповѣдовать вслухъ и не-исповѣдовать. Только право на невидѣніе даетъ настоящую свободу видѣнія. Не-видящій Бога достоинъ сожалѣнія и любовной помощи, ибо онъ пребываетъ въ темнотѣ. Но заставить его узрѣть и принять Бога невозможно. Узрѣть и принять Бога онъ можетъ только свободно, лично и самостоятельно. Только тотъ свободенъ въ своемъ видѣніи, кто имѣлъ право и возможность оказаться „свободно-невидящимъ“. Нельзя запрещать религиозную темноту, слѣпоту, немощь, тупость или бездарность. Нелѣпо наказывать того, кто религиозно-слѣпъ, хотя столь же нелѣпо довѣрять ему такіа общественныя функціи и обязанности, которыя предполагаютъ въ человѣкѣ ре-

примеч.:
идея правды
догматическая
амелии

1919

лигиозную зрячесть и вѣру. Постыдно и нелѣпо заставлять невѣрующаго чело-
вѣка притворяться видящимъ и вѣрующимъ. Религіозное видѣніе - невынудимо.
Можно и должно помогать невидящему, чтобы онъ сталъ видящимъ. Но запрещать
безрелигіозность, безбожіе или нигилистическую пустоту и бесплодность ду-
ши - было бы дѣломъ противодуховнымъ и безнадежнымъ.

Кто гонитъ религіознаго слѣпца, тотъ пытается принудить его - или
къ религіозному прозрѣнію, или къ религіозному притворству; первое - без-
надежно; второе - противодуховно. Но тотъ, кто гонитъ вѣрующаго за его вѣ-
ру, тотъ отрицаетъ ^{ли}религіозную свободу вообще, не только примѣнительно къ
другимъ, но и примѣнительно къ самому себѣ. Онъ лишаетъ и себя ~~самого~~ са-
мого права на свободу и долженъ готовиться къ тому, что мечъ гоненія и ис-
корененія падетъ на его собственную голову: сегодняшній гонитель готовитъ
самъ себѣ искорененіе на завтра...

Религіозное гоненіе есть посягательство на убіеніе религіи. Это по-
сягательство стремится не опроверг^нуть вѣруемое содержаніе, а удушить чело-
вѣческую религіозность. Это удастся ему у маловѣрующихъ (т.е. въ сущности
- у невѣрующихъ, еще не увѣровавшихъ, или уже утратившихъ вѣру); но у вѣ-
рующихъ - никогда... Откуда возникаютъ своеобразныя послѣдствія: а именно
- слабые отпадаютъ, сильные крѣпнутъ; происходитъ отборъ, какъ бы провѣ-
ваніе и отсѣиваніе человѣческаго матеріала. Чѣмъ больше трудностей преодо-
лѣваетъ вѣрующій, тѣмъ углубленнѣе, тѣмъ интенсивнѣе становится его вѣро-
ваніе, тѣмъ укорененнѣе его религіозность. Сильные отбираются, ^{духовно}очищаются,
~~испытываются~~, закаляются въ огнѣ, смыкаютъ свои ряды и образуютъ подлинную,
апостольски подготовленную и призванную религіозную общину. Подобно тому,
какъ пожаръ можетъ повести къ "украшенію" города, такъ гоненіе можетъ по-
вести къ возрожденію религіозной жизни и укрѣпленію церкви. Ибо вѣрующіе,
отстоявшіе свою свободу въ Богѣ, становятся автономно-вѣрующими побѣдите-
лями; ихъ религіозность пріобрѣтаетъ истинныя черты духовности и оказыва-
ется ^{нѣ}потенцированной и подлинно-реальной...

Человѣческая религіозность не всегда имѣетъ характеръ личной само-
стоятельности; бываетъ "религіозность" навязанная, вынужденная, но лично
не принятая и не осмысленная. ^{Большая вѣра (востановитъ)} Это есть и донинѣ психологическій и истори-
ческий фактъ. Но призваніе ^{нѣ}ея, въ томъ, чтобы стать лично-принятой, само-
стоятельной и свободно-укорененной вѣрой (автономной). Ибо автономная ~~жизнь~~
^{вѣра}жизнь, къ которой всегда стремились всѣ великіе подвижники, пусты-
ники и молитвенники, при прочихъ равныхъ условіяхъ всегда выше гетероном-
ной.

Синт
тегія

Поэтому всякая власть, - церковная или государственная, конфессіо-
нально-связанная или безбожная, - совершаетъ величайшую, духовную и куль-
турную ошибку, пытаясь втиснуть религіозную жизнь людей въ форму принуди-
тельную, - все равно въ принудительное вѣроисповѣданіе, или въ принуди-
тельное безбожіе. Ибо принудительное безбожіе по самому существу своему
есть не безвѣріе, а вѣра въ систе^{нѣ} земныхъ, ничтожныхъ, пошлыхъ и не за-
служивающихъ вѣры содержаній. Всякое религіозное принужденіе, - даже при-
нужденіе

Нужд
дух. одн.

III

ММ

34-35

32

нужденіе къ истинной вѣрѣ, — повреждаетъ духовность человѣка и умалляетъ силу, искренность и цѣльность его вѣры. Оно какъ бы разбиваетъ тотъ сосудъ въ который вливаетъ свое вино; а сосудъ не способный держать довѣренное ему вино есть ненадежный и негодный сосудъ. Это прекрасно видѣли и разумѣли зиждители ^{или} русскаго Православія. Вотъ почему московскій митрополитъ Макарій писалъ ^{въ 1555 году} новоназначенному архіепископу казанскому Гурію: „Всеякими обычаи какъ возможно, приучать ему татаръ къ себѣ и приводить ихъ любовью на крещеніе, а страхомъ ихъ ко крещенію никакъ не приводить“...

Гоненіе во всѣхъ случаяхъ и при всѣхъ положеніяхъ ведетъ къ подрыву и ослабленію самой преслѣдующей власти, ибо оно закаляетъ непокорныхъ, дѣлая ихъ врагами, и деморализуетъ покорныхъ, дѣлая ихъ рабами. Нелѣпо строить церковь на врагахъ и на рабахъ. Погибельно утверждать государство на враждебномъ и на рабѣмъ правосознаніи! Ибо врагъ есть вѣчный вредитель, а рабъ есть готовый предатель...

Самый успѣхъ религіознаго гоненія есть неуспѣхъ гонителя: ибо масса, прошедшая черезъ вынужденное отреченіе и поддавшаяся ему, впитавшая въ себя атмосферу страха, угрозъ и казней, возросшая на лжи и симуляціи, — становится въ религіозномъ, моральномъ, культурномъ и политическомъ отношеніи чернью. А церковь наполненная такою чернью — пребываетъ въ духовномъ растлѣніи и есть мнимая ^{вели} причина передъ лицомъ Божиимъ. И государство, состоящее изъ такой черни, лишено внутренней, духовной спайки и вѣрности: оно подобно дому, построенному изъ пустыхъ кирпичей, или источенно въ своихъ бревнахъ термитами... Насилующая власть есть тиранническая власть надъ рабами и будетъ однажды предана ими, свергнута и поругана, какъ это бывало въ исторіи ^{Рима} и Византіи.

Вотъ почему всякая церковь, чтобы жить и крѣпнуть, должна культивировать свободный и лично-самостоятельный религіозный опытъ, воспитывая его въ своихъ приверженцахъ и предоставляя ^{однажды въ будущемъ} такую же свободу своимъ противникамъ, какъ имѣющимъ ~~свободу~~ свободно принять ее вѣру. Доброму винохозяину нужны не разбитыя, но цѣльныя кратеры. Истинному пастырю необходимы души искреннія, цѣльныя, безстрашныя, свободныя и сильныя. А автономно и

искренно невѣрующій ближе къ религіозному прозрѣнію, чѣмъ гонимый безбожникомъ и преслѣдуемый до ожесточенія невѣръ.

Таковъ смыслъ религіозной автономіи.

32A